

ВЕЧНАЯ ПОЭЗИЯ

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

*Я никогда не верил
в миражи*

Вечная поэзия

Владимир Высоцкий

Я никогда не верил в миражи

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Высоцкий В. С.

Я никогда не верил в миражи / В. С. Высоцкий — «Издательство АСТ», 2019 — (Вечная поэзия)

ISBN 978-5-17-113024-4

Владимир Высоцкий – не просто легенда. Он – кумир целого поколения шестидесятников. Причем, не только ценителей бардов, но и театральной общественности и зрителей, смотревших его с экранов телевизоров. Голос Высоцкого звучал отовсюду, его исполняли любители в кругу друзей. Он был ярок и харизматичен. Он запоминается даже когда не любим. В сборник «Я никогда не верил в миражи» вошли наиболее известные тексты Высоцкого.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-113024-4

© Высоцкий В. С., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Колыбельная	6
Песня о звездах	7
Штрафные батальоны	8
Братские могилы	9
Бал-маскарад	10
«В холода, в холода...»	11
«Мой друг уехал в Магадан...»	12
«То была не интрижка...»	13
«Есть на земле предостаточно рас...»	14
Песня завистника	15
О вкусах не спорят	16
Песня о друге	18
Прощание с горами	19
Она была в Париже	20
«Корабли постоят – и ложатся на курс...»	21
Скалолазка	22
Про дикого вепря	23
Песня-сказка о нечисти	25
Спасите наши души	27
Песня о вещем Олеге	29
Дом хрустальный	31
Песня о вещи Кассандре	32
Лукоморья больше нет	33
Деревянные костюмы	36
«Подымайте руки, в урны суйте...»	37
«Запретили все цари всем царевичам...»	38
Моя цыганская	39
Две песни об одном воздушном бое	41
I. Песня летчика	41
II. Песня самолета-истребителя	43
Охота на волков	45
Еще не вечер	47
Оловянные солдатики	49
Песенка о переселении душ	51
«Ну вот, исчезла дрожь в руках...»	52
Про любовь в каменном веке	53
Человек за бортом	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Владимир Высоцкий **Я никогда не верил в миражи**

Колыбельная

За тобой еще нет
Пройденных дорог,
Трудных дел, долгих лет
И больших тревог.

И надежно заглушен
Ночью улиц гул.
Пусть тебе приснится сон,
Будто ты уснул.

Мир внизу, и над ним
Ты легко паришь,
Под тобою древний Рим
И ночной Париж.

Ты невидим, невесом.
Голоса поют.
Правда, это – только сон...
Но во сне растут.

Может быть (все может быть),
Много лет пройдет —
Сможешь ты повторить
Свой ночной полет.

Над землею пролетишь
Выше крыш и крон...
А пока ты спи, малыш,
И смотри свой сон.

1963

Песня о звездах

Мне этот бой не забыть нипочем —
Смертью пропитан воздух,
А с небосклона бесшумным дождем
Падали звезды.

Вот снова упала – и я загадал:
Выйти живым из боя...
Так свою жизнь я поспешно связал
С глупой звездой.

Я уж решил: миновала беда
И удалось отвертеться...
Но с неба свалилась шальная звезда —
Прямо под сердце.

Нам говорили: «Нужна высота!»
И «Не жалеть патроны!»
Вон покати́лась вторая звезда —
Вам на погоны.

Звезд этих в небе – как рыбы в прудах,
Хватит на всех с лихвою.
Если б не насмерть, ходил бы тогда
Тоже – Героем.

Я бы Звезду эту сыну отдал,
Просто на память...
В небе висит, пропадает звезда —
Некуда падать.

1964

Штрафные батальоны

Всего лишь час дают на артобстрел —
Всего лишь час пехоте передышки,
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, ну а кому – до «вышки».

За этот час не пишем ни строки —
Молись богам войны артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так – мы штрафники,
Нам не писать: «...считайте коммунистом».

Перед атакой водку – вот мура!
Свое отпили мы еще в гражданку.
Поэтому мы не кричим «ура» —
Со смертью мы играемся в молчанку.

У штрафников один закон, один конец —
Коли-руби фашистского бродягу,
И если не поймашь в грудь свинец —
Медаль на грудь поймашь за отвагу.

Ты бей штыком, а лучше бей рукой —
Оно надежней, да оно и тише,
И ежели останешься живой —
Гуляй, рванина, от рубля и выше!

Считает враг: морально мы слабы —
За ним и лес, и города сожжены.
Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!

Вот шесть ноль-ноль – и вот сейчас обстрел...
Ну, бог войны, давай без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, а большинству – до «вышки»...

1964

Братские могилы

На Братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают,
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают.

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче – гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы —
Все судьбы в единую слиты.

А в Вечном огне видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.

У Братских могил нет заплаканных вдов —
Сюда ходят люди покрепче,
На Братских могилах не ставят крестов...
Но разве от этого легче?!

1964

Бал-маскарад

Сегодня в нашей комплексной бригаде
Прошел слушок о бале-маскараде.
Раздали маски кроликов,
Слонов и алкоголиков,
Назначили всё это в зоосаде.

«Зачем идти при полном при параде,
Скажи мне, моя радость, Христа ради?»
Она мне: «Одевайся!» —
Мол, я тебя стесняюсь,
Не то, мол, как всегда, пойдешь ты сзади.

«Я платье, – говорит, – взяла у Нади,
Я буду нынче, как Марина Влади,
И проведу, хоть тресну я,
Часы свои воскресные,
Хоть с пьяной твоей мордой, но в наряде!»

...Зачем же я себя утюжил-гладил?
Меня поймали тут же в зоосаде,
Ведь массовик наш Колька
Дал мне маску алкоголика —
И на троих зазвали меня дяди...

Я снова очутился в зоосаде.
Глядь – две жены, – ну две Марины Влади! —
Одетые животными,
С двумя же бегемотами,
Я тоже озверел – и встал в засаде.

...Наутро дали премию в бригаде,
Сказав мне, что на бале-маскараде
Я будто бы не только
Сыграл им алкоголика,
А был у бегемотов я в ограде.

1964

«В холода, в холода...»

В холода, в холода
От насиженных мест
Нас другие зовут города,
Будь то Минск, будь то Брест...
В холода, в холода...

Неспроста, неспроста
От родных тополей
Нас суровые манят места,
Будто там веселей...
Неспроста, неспроста...

Как нас дома ни грей,
Не хватает всегда
Новых встреч нам и новых друзей,
Будто с нами беда,
Будто с ними теплей...

Как бы ни было нам
Хорошо иногда,
Возвращаемся мы по домам.
Где же наша звезда?
Может – здесь, может – там...

1965

«Мой друг уехал в Магадан...»

Игорю Кохановскому

Мой друг уехал в Магадан —
Снимите шляпу, снимите шляпу!
Уехал сам, уехал сам —
Не по этапу, не по этапу.

Не то чтоб другу не везло,
Не то чтоб кому-нибудь назло,
Не для молвы, что, мол, – чудак,
А просто так.

Быть может, кто-то скажет: «Зря!
Как так решиться – всего лишиться!
Ведь там – сплошные лагеря,
А в них – убийцы, а в них – убийцы...»

Ответит он: «Не верь молве —
Их там не больше, чем в Москве!»
Потом уложит чемодан,
И – в Магадан, и – в Магадан.

Не то чтоб мне не по годам —
Я б прыгнул ночью из электрички,
Но я не еду в Магадан,
Забыв привычки, закрыв кавычки.

Я буду петь под струнный звон
Про то, что будет видеть он,
Про то, что в жизни не видал, —
Про Магадан, про Магадан.

Мой друг уехал сам собой —
С него довольно, с него довольно,
Его не будет бить конвой —
Он добровольно, он добровольно.

А мне удел от Бога дан...
А может, тоже – в Магадан?
Уехать с другом заодно —
И лечь на дно!..

1965

«То была не интрижка...»

То была не интрижка —
Ты была на ладошке,
Как прекрасная книжка
В грубой суперобложке.

Я влюблен был, как мальчик:
С тихим трепетом тайным
Я листал наш романчик
С неприличным названьем.

Были слезы, угрозы —
Всё одни и всё те же,
В основном была проза,
А стихи были реже.

Твои бурные ласки
И все прочие средства —
Это страшно, как в сказке
Очень раннего детства.

Я надеялся втайне,
Что тебя не листали,
Но тебя, как в читальне,
Слишком многие брали.

Не дожидаться мне мига,
Когда я с опозданием
Сдам с рук на руки книгу
С неприличным названьем.

1965

«Есть на земле предостаточно рас...»

Есть на Земле предостаточно рас —
Просто цветная палитра.
Воздуху каждый вдыхает за раз
Два с половиною литра!

Если так дальше, так – полный привет! —
Скоро конец нашей эры:
Эти китайцы за несколько лет
Землю лишат атмосферы!

Сон мне тут снился неделю подряд —
Сон с пробуждением кошмарным:
Будто – я в дом, а на кухне сидят
Мао Цзедун с Ли Сын Маном!

И что – подают мне какой-то листок:
На, мол, подписывай, ну же,
Очень нам нужен ваш Дальний Восток,
Ох, как ужасно он нужен!..

Только об этом я сие вспоминал,
Только об нем я и думал:
Я сослуживца недавно назвал
Мао – простите – Цзедуном!

Но вскорости мы на Луну полетим,
А чего нам с Америкой драться —
Мы: левую – нам, правую – им,
А остальное – китайцам.

1965

Песня завистника

Мой сосед объездил весь Союз —
Что-то ищет, а чего – не видно.
Я в дела чужие не суюсь,
Но мне очень больно и обидно.

У него на окнах плюш и шелк,
Баба его шастает в халате.
Я б в Москве с киркой уран нашел
При такой повышенной зарплате!

И сдается мне, что люди врут —
Он нарочно ничего не ищет.
А для чего? Ведь денежки идут —
Ох, какие крупные деньжищи!

А вчера на кухне ихний сын
Головой упал у нашей двери —
И разбил нарочно мой графин,
Я – мамаше счет в тройном размере.

Ему, значит, – рупь, а мне – пятак?!
Пусть теперь мне платит неустойку!
Я ведь не из зависти – я так,
Ради справедливости – и только.

...Ну ничего, я им создам уют —
Живо он квартиру обменяет.
У них денег – куры не клюют,
А у нас – на водку не хватает!

1965

О вкусах не спорят

О вкусах не спорят, есть тысяча мнений —
Я этот закон на себе испытал.
Ведь даже Эйнштейн – физический гений —
Весьма относительно все понимал.

Оделся по моде, как требует век, —
Вы скажете сами:
«Да это же просто другой человек!..»
А я – тот же самый.

Вот уж действительно:
Всё относительно.
Всё-всё!

Набедренный пояс из шкуры пантеры.
О да! Неприлично! Согласен! Ей-ей!
Но так одевались все до нашей эры,
А до нашей эры им было видней.

Оделся по моде, как в каменный век, —
Вы скажете сами:
«Да это же просто другой человек!»
А я – тот же самый.

Вот уж действительно:
Всё относительно.
Всё-всё!

Оденусь – как рыцарь я после турнира:
Знакомые вряд ли узнают меня;
И крикну, как Ричард, я (в драме Шекспира):
«Коня мне! Полцарства даю за коня!»

Но вот усмехнется и скажет сквозь смех
Ценитель упрямый:
«Да это же просто другой человек!»
А я – тот же самый.

Вот уж действительно:
Всё относительно.
Всё-всё!

Вот трость, канотье – я из нэпа. Похоже?
Не надо оваций – к чему лишний шум?
Ах, в этом костюме узнали? Ну что же —

Тогда я одену последний костюм.

Долой канотье, вместо тросточки – стек.

И шепчутся дамы:

«Да это же просто другой человек!»

А я – тот же самый.

Вот уж действительно:

Всё относительно.

Всё-всё!

Будьте же бдительны —

Всё относительно!

Всё-всё! Всё!

1966

Песня о друге

Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг, а – так;
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош, —
Парня в горы тyani – рискни!
Не бросай одного его:
Пусть он в связке в одной с тобой —
Там поймешь, кто такой.

Если парень в горах не ах,
Если сразу раскис – и вниз,
Шаг ступил на ледник – и сник,
Оступился – и в крик, —

Значит, рядом с тобой – чужой,
Ты его не брани – гони.
Вверх таких не берут и тут
Про таких не поют.

Если ж он не скулил, не ныл;
Пусть он хмур был и зол, но шел,
А когда ты упал со скал,
Он стонал, но держал;
Если шел он с тобой, как в бой,
На вершине стоял хмельной, —
Значит, как на себя самого,
Положись на него!

1966

Прощание с горами

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы – просто некуда деться!
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах, оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал,
На которых еще не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один?!
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!
Но спускаемся мы с покоренных вершин...
Что же делать – и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал,
На которых еще не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас – и зовут нас остаться!
Но спускаемся мы (кто – на год, кто – совсем),
Потому что всегда, потому что всегда мы должны
возвращаться.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал,
На которых никто не бывал!

1966

Она была в Париже

Л. Лужинной

Наверно, я погиб: глаза закрою – вижу.
Наверно, я погиб: робею, а потом
Куда мне до нее – она была в Париже,
И я вчера узнал – не только в нем одном!

Какие песни пел я ей про Север Дальний!
Я думал: вот чуть-чуть – и будем мы на ты,
Но я напрасно пел «О полосе нейтральной» —
Ей глубоко плевать, какие там цветы.

Я спел тогда еще – я думал, это ближе —
«Про юг» и «Про того, кто раньше с нею был»...
Но что ей до меня – она была в Париже,
И сам Марсель Марсо ей что-то говорил!

Я бросил свой завод – хоть, в общем, был не вправе, —
Засел за словари на совесть и на страх...
Но что ей до того – она уже в Варшаве,
Мы снова говорим на разных языках...

Приедет – я скажу по-польски: «Прошу, пани,
Прими таким, как есть, не буду больше петь...»
Но что ей до того – она уже в Иране,
Я понял: мне за ней, конечно, не успеть!

Ведь она сегодня здесь, а завтра будет в Осло...
Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..
Кто раньше с нею был и тот, кто будет после, —
Пусть пробуют они, я лучше пережду!

1966

«Корабли постоят – и ложатся на курс...»

Корабли постоят – и ложатся на курс,
Но они возвращаются сквозь непогоду...
Не пройдет и полгода – и я появлюсь,
Чтобы снова уйти,
чтобы снова уйти на полгода.

Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все, кроме тех, кто нужней.
Я не верю судьбе,
я не верю судьбе, а себе – еще меньше.

И мне хочется верить, что это не так,
Что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь – весь в друзьях и в мечтах,
Я, конечно, спую – не пройдет и полгода.

Я, конечно, вернусь – весь в друзьях и в делах,
Я, конечно, спую – не пройдет и полгода.

1966

Скалолазка

Я спросил тебя: «Зачем идете в гору вы? —
А ты к вершине шла, а ты рвалась в бой. —
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово...»
Рассмеялась ты – и взяла с собой.

И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя.
Первый раз меня из трещины вытаскивая,
Улыбалась ты, скалолазка моя!

А потом за эти проклятые трещины,
Когда ужин твой я нахваливал,
Получил я две короткие затрещины,
Но не обиделся, а приговаривал:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!..»
Каждый раз меня по трещинам выискивая,
Ты бранила меня, альпинистка моя!

А потом, на каждом нашем восхождении —
Ну почему ты ко мне недоверчивая?!
Страховала ты меня с наслаждением,
Альпинистка моя гуттаперчевая!

Ох, какая ж ты неблизкая, неласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!
Каждый раз меня из пропасти вытаскивая,
Ты ругала меня, скалолазка моя.

За тобой тянулся из последней силы я,
До тебя уже мне рукой подать —
Вот долезу и скажу: «Довольно, милая!»
Тут сорвался вниз, но успел сказать:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!..»
Мы теперь с тобой одной веревкой связаны —
Стали оба мы скалолазами!

1966

Про дикого вепря

В королевстве, где все тихо и складно,
Где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь,
Появился дикий вепрь громадный —
То ли буйвол, то ли бык, то ли тур.

Сам король страдал желудком и астмой:
Только кашлем сильный страх наводил.
А тем временем зверюга ужасный
Коих ел, а коих в лес волочил.

И король тотчас издал три декрета:
«Зверя надо одолеть, наконец!
Вот кто отважится на это, на это,
Тот принцессу поведет под венец».

А в отчаявшемся том государстве
(Как войдешь – так прямо наискосок)
В бесшабашной жил тоске и гусарстве
Бывший лучший королевский стрелок.

На полу лежали люди и шкуры,
Пили меды, пели песни – и тут
Протрубили во дворе трубадуры:
Хвать стрелка – и во дворец волокут.

И король ему прокашлял: «Не буду
Я читать тебе морали, юнец,
Вот если завтра победишь Чуду-юду,
Так принцессу поведешь под венец».

А стрелок: «Да это что за награда?!
Мне бы – выкатить портвейну бадью!
А принцессу мне и даром не надо —
Чуду-юду я и так победю!»

А король: «Возьмешь принцессу – и точка!
А не то тебя раз-два – и в тюрьму!
Ведь это все же королевская дочка!..»
А стрелок: «Ну хоть убей – не возьму!»

И пока король с им так препирался,
Съел уже почти всех женщин и кур
И возле самого дворца ошивался
Этот самый то ли бык, то ли тур.

Делать нечего – портвейн он отспорил:
Чуду-юду уложил – и убег...
Вот так принцессу с королем опозорил
Бывший лучший, но опальный стрелок.

1966

Песня-сказка о нечисти

В заповедных и дремучих страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей и в проезжих сеет страх.
Воют воем, что твои упокойники,
Если есть там соловьи – то разбойники.
Страшно, аж жуть!

В заколдованных болотах там кикиморы живут, —
Защекочут до икоты и на дно уволокут.
Будь ты пеший, будь ты конный – заграбастают,
А уж лешие – так по лесу и шастают.
Страшно, аж жуть!

А мужик, купец и воин, попадал в дремучий лес,
Кто зачем – кто с перепоею, а кто сдуру в чашу лез.
По причине попадали, без причины ли,
Только всех их и видали – словно сгнули.
Страшно, аж жуть!

Из заморского из лесу, где и вовсе сущий ад,
Где такие злые бесы – чуть друг друга не едят,
Чтоб творить им совместное зло потом,
Поделиться приехали опытом.
Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник главный им устроил буйный пир,
А от их был Змей трехглавый и слуга его – Вампир.
Пили зелье в черепах, ели бульники,
Танцевали на гробах, богохульники!
Страшно, аж жуть!

Змей Горыныч взмыл на древо, ну раскачивать его:
«Выводи, Разбойник, девок, – пусть покажут кой-чего!
Пусть нам лешие попляшут, попоют!
А не то я, мать вашу, всех сгною!»
Страшно, аж жуть!

Все взревели, как медведи: «Натерпелись – столько лет!
Ведьмы мы али не ведьмы, патриотки али нет?!
Налил бельма, ишь ты, клещ, – отоварился!
Да еще на наших женщин позарился!..»
Страшно, аж жуть!

И Соловей-разбойник тоже был не только лыком шит, —
Он гикнул, свистнул, крикнул: «Рожа, ты, заморский
паразит!

Убирайся, говорит, без бою, уматывай
И Вампира с собою прихватывай!»
Страшно, аж жуть!

А вот теперь седые люди помнят прежние дела —
Билась нечисть грудью в груди и друг друга извела.
Прекратилось навек безобразие —
Ходит в лес человек безбоязненно,
И не страшно ничуть!

1966

Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше,
                    глуше.
И ужас режет души
Напополам...

Всплывем на рассвете —
Приказ есть приказ!
А гибнуть во цвете
Уж лучше при свете!
Наш путь не отмечен...
Нам нечем... Нам нечем!..
Но помните нас!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше,
                    глуше.
И ужас режет души
Напополам...

Вот вышли наверх мы...
Но выхода нет!
Вот – полный на верфи!
Натянуты нервы...
Конец всем печалям,
Концам и началам —
Мы рвемся к причалам
Заместо торпед!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше,
                    глуше.
И ужас режет души
Напополам...
Спасите наши души!

1967

Песня о вещем Олеге

Как ныне собирается вещий Олег
Щита прибывать на ворота,
Как вдруг подбегает к нему человек —
И ну шепелявить чего-то.

«Эх, князь, – говорит ни с того ни с сего, —
Ведь примешь ты смерть от коня своего!»

Но только собрался идти он на вы —
Отмщать неразумным хазарам,
Как вдруг прибежали седые волхвы,
К тому же разя перегаром.

И говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего.

«Да кто ж вы такие, откуда взялись?! —
Дружина взялась за нагайки. —
Напился, старик, так иди похмелись,
И неча рассказывать байки

И говорить ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!»

Ну, в общем, они не сносили голов —
Шутить не можете с князьями!
И долго дружина топтала волхвов
Своими гнедыми конями:

«Ишь, говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!»

А вещий Олег свою линию гнул,
Да так, что никто и не пикнул.
Он только однажды волхвов помянул,
И то саркастически хмыкнул:

«Ну надо ж болтать ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!»
«А вот он, мой конь, – на века опочил,
Один только череп остался!..»
Олег преспокойно стопу возложил —
И тут же на месте скончался:

Злая гадюка кусила его —

И принял он смерть от коня своего.

...Каждый волхвов покарать норовит,
А нет бы – послушаться, правда?
Олег бы послушал – еще один щит
Прибил бы к вратам Цареграда.
Волхвы-то сказали с того и с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

1967

Дом хрустальный

Если я богат, как царь морской,
Крикни только мне: «Лови блесну!» —
Мир подводный и надводный свой,
Не задумываясь, выплесну!

Дом хрустальный на горе – для нее,
Сам, как пес бы, так и рос в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Если беден я, как пес – один,
И в дому моем – шаром кати,
Ведь поможешь ты мне, Господи,
Не позволишь жизнь скомкати!

Дом хрустальный на горе – для нее,
Сам, как пес бы, так и рос в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!
Не сравнил бы я любую с тобой —
Хоть казни меня, расстреливай.
Посмотри, как я любуюсь тобой —
Как мадонной Рафаэлевой!

Дом хрустальный на горе – для нее,
Сам, как пес бы, так и рос в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

1967

Песня о вещей Кассандре

Долго Троя в положении осадном
Оставалась неприступною твердыней,
Но троянцы не поверили Кассандре —
Троя, может быть, стояла б и поныне.

Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою, павшей в прах!»
Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.

И в ночь, когда из чрева лошади на Трою
Спустилась смерть (как и положено – крылата),
Над избиваемой безумною толпою
Кто-то крикнул: «Это ведьма виновата!»

Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою, павшей в прах!»
Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.

И в эту ночь, и в эту смерть, и в эту смуту,
Когда сбылись все предсказания на славу,
Толпа нашла бы подходящую минуту,
Чтоб учинить свою привычную расправу.

Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою, павшей в прах!»
Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.

Конец простой – хоть не обычный, но досадный:
Какой-то грек нашел Кассандрину обитель
И начал пользоваться ей не как Кассандрой,
А как простой и ненасытный победитель.

Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою, павшей в прах!»
Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.

1967

Лукоморья больше нет

Антисказка

Лукоморья больше нет,
От дубов простыл и след.
Дуб годится на паркет – так ведь нет:
Выходили из избы
Здоровенные жлобы,
Порубили все дубы на гробы.

Ты уймись, уймись, тоска
У меня в груди!
Это – только присказка,
Сказка – впереди.

Распрекрасно жить в домах
На куриных на ногах,
Но явился всем на страх
Вертопрах.
Добрый молодец он был:
Бабку Ведьму подпоил,
Ратный подвиг совершил – дом спалил.

Ты уймись, уймись, тоска
У меня в груди!
Это – только присказка,
Сказка – впереди.

Тридцать три богатыря
Порешили, что зазря
Берегли они царя и моря:
Каждый взял себе надел,
Кур завел – и в ём сидел,
Охраняя свой удел не у дел.

Ободрав зеленый дуб,
Дядька ихний сделал сруб,
С окружающими туп стал и груб —
И ругался день-деньской
Бывший дядька их морской,
Хоть имел участок свой под Москвой.

Ты уймись, уймись, тоска
У меня в груди!
Это – только присказка,
Сказка – впереди.

Здесь и вправду ходит Кот,
Как направо – так поет,
Как налево – так загнет анекдот.
Но ученый, сукин сын:
Цепь золотую снес в торговлю
И на выручку – один в магазин.

Как-то раз за божий дар
Получил он гонорар:
В Лукоморье перегар – на гектар!
Но хватил его удар!
И чтоб избежать божьих кар,
Кот диктует про татар мемуар.

Ты уймись, уймись, тоска
У меня в груди!
Это – только присказка,
Сказка – впереди.

И Русалка – вот дела! —
Честь недолго берегла
И однажды, как смогла, родила.
Тридцать три же мужика
Не желают знать сынка,
Пусть считается пока сын полка.

Как-то раз один Колдун —
Врун, болтун и хохотун —
Предложил ей как знаток дамских струн:
Мол, Русалка, все пойму
И с дитем тебя возьму...
И пошла она к нему, как в тюрьму.

А бородатый Черномор,
Лукоморский первый вор, —
Он давно Людмилу спер, ох хитер!
Ловко пользуется, тать,
Тем, что может он летать:
Зазеваешься – он хват – и тикать!

Ты уймись, уймись, тоска
У меня в груди!
Это – только присказка,
Сказка – впереди.

А коверный самолет
Сдан в музей в запрошлый год —
Любознательный народ так и прет!

И без опаски старый хрыч
Баб ворует, хнычь не хнычь.
Ох, скорей его разбей паралич!

«Нету мочи, нету сил! —
Леший как-то недопил,
Лешачиху свою бил и вопил:
– Дай рубля, прибью а то!
Я добытчик али кто?!
А не дашь, тады пропью долото!»

«Я ли ягод не носил?! —
Снова Леший голосил. —
А коры по сколько кил приносил!
Надрывался издаля —
Все твоей забавы для,
Ты ж жалеешь мне рубля.
Ах ты, тля!»

И невиданных зверей,
Дичи всякой – нету ей:
Понаехало за ней егерей...
Так что, значит, не секрет:
Лукоморья больше нет,
Все, о чем писал поэт, – это бред.

Ты уймись, уймись, тоска,
Душу мне не рань!
Раз уж это – присказка,
Значит сказка – дрянь.

1967

Деревянные костюмы

Как все мы веселы бываем и угрюмы,
Но если надо выбирать и выбор труден,
Мы выбираем деревянные костюмы,
Люди, люди...

Нам будут долго предлагать – не прогадать.
– Ах! – скажут, – что вы, вы еще не жили!
Вам надо только-только начинать... —
Ну, а потом предложат: или-или.
Или пляжи, вернисажи, или даже
Пароходы, в них наполненные трюмы,
Экипажи, скачки, рауты, вояжи...
Или просто – деревянные костюмы.

И будут веселы они или угрюмы,
И будут в роли злых шутов иль добрых судей,
Но нам предложат деревянные костюмы,
Люди, люди...

Нам могут даже предложить и закурить.
– Ах! – вспомнят, – вы ведь долго не курили.
Да вы еще не начинали жить... —
Ну, а потом предложат: или-или.

Дым папиросы навевает что-то...
Одна затяжка – веселее думы.
Куриль охота, ох, курить охота!
Но надо выбрать деревянные костюмы.

И будут вежливы и ласковы настолько —
Предложат жизнь счастливую на блюде.
Но мы откажемся... И бьют они жестоко,
Люди, люди, люди...

1967

«Подымайте руки, в урны суйте...»

Подымайте руки, в урны суйте
Бюлетени, даже не читав!
Помереть от скуки! Голосуйте,
Только, чур, меня не приплюсуйте —
Я не разделяю ваш устав!

1967

«Запретили все цари всем царевичам...»

Запретили все цари всем царевичам
Строго-настрога ходить по Гуревичам,
К Рабиновичам не смей, тоже – к Шифманам!
Правда, Шифманы нужны лишь для рифмы нам.

В основном же речь идет за Гуревичей —
Царский род ну так и прет к ихней девичьей:
Там три дочки – три сестры, три красавицы...
За царевичей цари опасаются.

И Гуревичи всю жизнь озабочены:
Хоть живьем в гробы ложись из-за доченок!
Не устали бы про них песню петь бы мы,
Но назвали всех троих дочек ведьмами.

И сожгли всех трех цари их умеючи,
И рыдали до зари все царевичи,
Не успел растаять дым от костров еще —
А царевичи пошли к Рабиновичам.

Там три дочки – три сестры, три красавицы.
И опять, опять цари опасаются...
Ну, а Шифманы смекнули – и Жмеринку
Вмиг покинули, махнули в Америку.

1967 или 1968

Моя цыганская

В сон мне – желтые огни,
И хриплю во сне я:
– Повремени, повремени, —
Утро мудренее!
Но и утром все не так,
Нет того веселья:
Или куришь натошак,
Или пьешь с похмелья.

В кабаках – зеленый штоф,
Белые салфетки.
Рай для нищих и шутов,
Мне ж – как птице в клетке!
В церкви смрад и полумрак,
Дьяки курят ладан.
Нет! И в церкви все не так,
Все не так, как надо.

Я – на гору впопыхах,
Чтоб чего не вышло.
А на горе стоит ольха,
А под горою – вишня.
Хоть бы склон увить плющом,
Мне б и то отрада,
Хоть бы что-нибудь еще...
Все не так, как надо!

Я тогда по полю, вдоль реки.
Света – тьма, нет Бога!
А в чистом поле васильки,
Дальняя дорога.
Вдоль дороги – лес густой
С Бабами-Ягами,
А в конце дороги той —
Плаха с топорами.

Где-то кони пляшут в такт,
Нехотя и плавно.
Вдоль дороги все не так,
А в конце – давно.
И ни церковь, ни кабак —
Ничего не свято!
Нет, ребята, все не так,
Все не так, ребята!

Зима 1967/1968

Две песни об одном воздушном бое

І. Песня летчика

Их восемь – нас двое, – расклад перед боем
Не наш, но мы будем играть!
Сережа, держись! Нам не светит с тобою,
Но козыри надо равнять.

Я этот небесный квадрат не покину —
Мне цифры сейчас не важны:
Сегодня мой друг защищает мне спину,
А значит – и шансы равны.

Мне в хвост вышел «мессер», но вот задымил он,
Надсадно завыли винты, —
Им даже не надо крестов на могилы —
Сойдут и на крыльях кресты!

Я – «Первый», я – «Первый», – они под тобою!
Я вышел им наперерез!
Сбей пламя, уйди в облака – я прикрою!
В бою не бывает чудес.

Сергей, ты горишь! Уповай, человек,
Теперь на надежность строп!
Нет, поздно – и мне вышел «мессер» навстречу, —
Прощай, я приму его в лоб!..

Я знаю – другие сведут с ними счеты, —
Но, по облакам скользя,
Взлетят наши души, как два самолета, —
Ведь им друг без друга нельзя.

Архангел нам скажет: «В раю будет туго!»
Но только ворота – щелк, —
Мы Бога попросим: «Впишите нас с другом
В какой-нибудь ангельский полк!»

И я попрошу Бога, Духа и Сына, —
Чтоб выполнил волю мою:
Пусть вечно мой друг защищает мне спину,
Как в этом последнем бою!

Мы крылья и стрелы попросим у Бога, —
Ведь нужен им ангел-ас, —

А если у них истребителей много —
Пусть примут в хранители нас!

Хранить – это дело почетное тоже, —
Удачу нести на крыле
Таким, как при жизни мы были с Сережей,
И в воздухе и на земле.

II. Песня самолета-истребителя

Ю. Любимову

Я – «ЯК», истребитель, – мотор мой звенит,
Небо – моя обитель, —
А тот, который во мне сидит,
Считает, что он – истребитель.

В этом бою мною «юнкерс» сбит —
Я сделал с ним, что хотел, —
А тот, который во мне сидит,
Изрядно мне надоел!

Я в прошлом бою навывлет прошит,
Меня механик заштопал, —
А тот, который во мне сидит,
Опять заставляет – в штопор!

Из бомбардировщика бомба несет
Смерть аэродрому, —
А кажется – стабилизатор поет:
«Мир вашему дому!»

Вот сзади заходит ко мне «мессершмитт», —
Уйду – я устал от ран!..
Но тот, который во мне сидит,
Я вижу, решил – на таран!

Что делает он?! Вот сейчас будет взрыв!..
Но мне не гореть на песке, —
Запреты и скорости все перекрыв,
Я выхожу из пике!

Я – главный, а сзади... Ну, чтоб я сгорел!
Где же он, мой ведомый?
Вот он задымился, кивнул – и запел:
«Мир вашему дому!»

И тот, который в моем черепке,
Остался один – и влип, —
Меня в заблужденье он ввел – и в пике
Прямо из мертвой петли.

Он рвет на себя – и нагрузки вдвойне, —
Эх, тоже мне – летчик-ас!..
Но снова приходится слушаться мне, —

Но это – в последний раз!

Я больше не буду покорным – клянусь!
Уж лучше лежать на земле...
Но что ж он не слышит, как бесится пульс:
Бензин – моя кровь – на нуле!

Терпению машины бывает предел,
И время его истекло, —
И тот, который во мне сидел,
Вдруг ткнулся лицом в стекло.

Убит! Наконец-то лечу налегке,
Последние силы жгу...
Но что это, что?! Я – в глубоком пике,
И выйти никак не могу!

Досадно, что сам я не много успел, —
Но пусть повезет другому!
Выходит, и я напоследок спел:
«Мир вашему дому!»

1968

Охота на волков

Рвусь из сил – и из всех сухожилий,
Но сегодня – опять как вчера:
Обложили меня, обложили —
Гонят весело на номера!

Из-за елей хлопочут двустволки —
Там охотники прячутся в тень, —
На снегу кувыркаются волки,
Превратившись в живую мишень.

Идет охота на волков,
Идет охота —
На серых хищников
Матерых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу – и пятна красные флажков.

Не на равных играют с волками
Егеря, но не дрогнет рука:
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка.

Волк не может нарушить традиций —
Видно, в детстве, слепые щенки,
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали: нельзя за флажки!

И вот – охота на волков,
Идет охота —
На серых хищников
Матерых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу – и пятна красные флажков.

Наши ноги и челюсти быстры —
Почему же – вожак, дай ответ —
Мы затравленно мчимся на выстрел
И не пробуем через запрет?!

Волк не может, не должен иначе.
Вот кончается время мое:
Тот, которому я предназначен,
Улыбнулся и поднял ружье.

Идет охота на волков,

Идет охота —
На серых хищников
Матерых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу – и пятна красные флажков.

Я из повиновения вышел:
За флажки – жажда жизни сильней!
Только – сзади я радостно слышал
Удивленные крики людей.

Рвусь из сил – и из всех сухожилий,
Но сегодня – не так, как вчера:
Обложили меня, обложили —
Но остались ни с чем егеря!

Идет охота на волков,
Идет охота —
На серых хищников
Матерых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу – и пятна красные флажков.

1968

Еще не вечер

Четыре года рыскал в море наш корсар,
В боях и штормах не поблекло наше знамя,
Мы научились штопать паруса
И затыкать пробойны телами.

За нами гонится эскадра по пятам.
На море штиль – и не избегнуть встречи!
А нам сказал спокойно капитан:
«Еще не вечер, еще не вечер!»

Вот развернулся боком флагманский фрегат —
И левый борт окрасился дымами.
Ответный залп – на глаз и наугад!
Вдали – пожар и смерть! Удача с нами!

Из худших выбирались передряг,
Но с ветром худо, и в трюме течи,
А капитан нам шлет привычный знак:
«Еще не вечер, еще не вечер!»

На нас глядят в бинокли, в трубы сотни глаз —
И видят нас от дыма злых и серых,
Но никогда им не увидеть нас
Прикованными к веслам на галерах!

Неравный бой – корабль кренится наш.
Спасите наши души человечьи!
Но крикнул капитан: «На абордаж!
Еще не вечер, еще не вечер!»

Кто хочет жить, кто весел, кто не тля,
Готовьте ваши руки к рукопашной!
А крысы пусть уходят с корабля —
Они мешают схватке бесшабашной.

И крысы думали: «А чем не шутит черт!» —
И тупо прыгали, спасаясь от картечи.
А мы с фрегатом становились борт о борт...
Еще не вечер, еще не вечер!

Лицо в лицо, ножи в ножи, глаза в глаза!
Чтоб не достаться спрутам или крабам,
Кто с кольцом, кто с кинжалом, кто в слезах,
Мы покидали тонущий корабль.

Но нет, им не послать его на дно —
Поможет океан, взвалив на плечи,
Ведь океан-то с нами заодно.
И прав был капитан: еще не вечер!

1968

Оловянные солдатики

Н. Высоцкому

Будут и стихи, и математика,
Почести, долги, неравный бой...
Нынче ж оловянные солдатики
Здесь, на старой карте, встали в строй.

Лучше бы уж он держал в казарме их,
Но – ведь на войне, как на войне —
Падают бойцы в обеих армиях
Поровну на каждой стороне.

Может быть – пробелы в воспитании
И в образовании слабина,
Но не может выиграть кампании
Та или другая сторона.

Совести проблемы окаянные —
Как перед собой не согрешить?
Тут и там солдаты оловянные —
Как решить, кто должен победить?

И какая, к дьяволу, стратегия,
И какая тактика, к чертям!
Вот сдалась нейтральная Норвегия
Ордам оловянных египтян;

Левою рукою Скандинавия
Лишена престижа своего,
Но рука решительная правая
Вмиг восстановила статус-кво!

Где вы, легкомысленные гении, —
Или вам являться недосуг?
Где вы, проигравшие сражения
Просто, не испытывая мук?

Или вы, несущие в венце зарю
Битв, побед, триумфов и могил?
Где вы, уподобленные Цезарю,
Что пришел, увидел, победил?..

Сколько б ни предпринимали армии
Контратак, прорывов и бросков,
Все равно на каждом полушарии

Поровну игрушечных бойцов.

Мучается полководец маленький,
Непосильной ношей отягчен,
Вышедший в громадные начальники
Шестилетний мой Наполеон.

Чтобы прекратить его мучения,
Ровно половину тех солдат
Я покрасил синим – шутка гения.
Утром вижу – синие лежат.

Счастлив я успехами такими, но
Мысль одна с тех пор меня гнетет:
Как решил он, что погибли именно
Синие, а не наоборот?

1969

«Ну вот, исчезла дрожь в руках...»

Ну вот, исчезла дрожь в руках,
Теперь – наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх
Навек, навек.
Для остановки нет причин —
Иду, скользя...
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя!

Среди нехоженных путей
Один – пусть мой,
Среди невзятых рубежей
Один – за мной!
И имена тех, кто здесь лег,
Снега таят...
Среди непройденных дорог
Одна – моя!

Здесь голубым сияньем льдов
Весь склон облит,
И тайну чьих-нибудь следов
Гранит хранит...
А я гляжу в свою мечту
Поверх голов
И свято верю в чистоту
Снегов и слов!

И пусть пройдет немалый срок —
Мне не забыть,
Что здесь сомнения я смог
В себе убить.
В тот день шептала мне вода:
«Удач – всегда!..»
А день... какой был день тогда?
Ах да – среда!..

1969

Про любовь в каменном веке

А ну, отдай мой каменный топор!
И шкур моих набедренных не тронь!
Молчи, не вижу я тебя в упор —
Сиди, вон, и поддерживай огонь!

Выгадывать не смей на мелочах,
Не опошляй семейный наш уклад!
Не убрана пещера и очаг —
Разбаловалась ты в матриархат!

Придержи свое мнение:
Я – глава, и мужчина – я!
Соблюдай отношения
Первобытно-общинные.

Там мамонта убьют – поднимут вой,
Начнут добычу поровну делить...
Я не могу весь век сидеть с тобой —
Мне надо хоть кого-нибудь убить!

Старейшины сейчас придут ко мне,
Смотри еще – не выйди голой к ним!
В век каменный – и не достать камней!
Мне стыдно перед племенем моим!

Пять бы жен мне – наверное,
Разобрался бы с вами я!
Но дела мои – скверные,
Потому – моногамия.

А все твоя проклятая родня!
Мой дядя, что достался кабану,
Когда был жив, предупреждал меня:
Нельзя из людоедок брать жену!

Не ссорь меня с общиной – это ложь,
Что будто к тебе кто-то пристаёт,
Не клеветчи на нашу молодежь,
Она надежда наша и оплот!

Ну что глядишь – тебя пока не бьют!
Отдай топор – добром тебя прошу!
И шкуры где? Ведь люди засмеют!..
До трех считаю, после – задушу!

1969

Человек за бортом

Анатолию Гарагуле

Был шторм: канаты рвали кожу с рук,
И якорная цепь визжала чертом,
Пел ветер песню грубую – и вдруг
Раздался голос: «Человек за бортом!»

И сразу – «Полный назад! Стоп машина!
Живо! Спасти и согреть!
Внутри ему, если мужчина,
Если же нет – растереть».

Я пожалел, что обречен шагать
По суше, – значит, мне не ждать подмоги:
Никто меня не бросится спасать
И не объявит шлюпочной тревоги.

А скажут: «Полный вперед! Ветер в спину!
Будем в порту по часам.
Так ему, сукину сыну,
Пусть выбирается сам!»

И мой корабль от меня уйдет —
На нем, должно быть, люди выше сортом.
Впередсмотрящий смотрит лишь вперед —
Не видит он, что человек за бортом.

Я вижу: мимо суда проплывают —
Ждет их приветливый порт.
Мало ли кто выпадает
С главной дороги за борт!

Пусть в море меня вынесет, а там —
Гуляет ветер вверх и вниз по гамме,
За мною спустит шлюпку капитан,
И обрету я почву под ногами.

Они зацепят меня за одежду —
Значит, падать одетому – плюс,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.